
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

ЕPISTEMOLOGY

УДК 165.6

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РЕЛАЙАБИЛИЗМ И ВЕРИТИЧЕСКАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

А. М. КАРДАШ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются основные идеи процессуального релейабиллизма Алвина Голдмана: эпистемическая надежность, разделение когнитивных процессов на условно и безусловно надежные, критерий эпистемической истории, концепции индикации и отслеживания истины, принципы чувствительности и приверженности. Анализируются эпистемологические теории, в связи с которыми формулировались эти идеи. Устанавливается концептуальное различие эпистемической надежности и веритической результативности как более простая форма традиционных аргументов против релейабиллизма.

Ключевые слова: эпистемология; обоснование; Алвин Голдман; релейабиллизм; процессуальный релейабиллизм; исторический релейабиллизм; индикативный релейабиллизм; теория отслеживания истины.

Благодарность. Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г22МС-001).

Образец цитирования:

Кардаш АМ. Процессуальный релейабиллизм и веритическая результативность. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024; 3:35–44.
EDN: TYDWBX

For citation:

Kardash AM. Process reliabilism and veritic effectiveness. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;3:35–44. Russian.
EDN: TYDWBX

Автор:

Алексей Михайлович Кардаш – аспирант отдела теории познания и методологии науки Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований. Научный руководитель – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук И. Е. Прись.

Author:

Aleksey M. Kardash, postgraduate student at the department of theory of knowledge and methodology of science, Centre for Philosophical-Methodological and Interdisciplinary Research.
krdwalexei@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>

PROCESS RELIABILISM AND VERITIC EFFECTIVENESS

A. M. KARDASH^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. The article discusses the main ideas of Alvin Goldman's process reliabilism and related epistemological theories. A conceptual distinction between epistemic reliability and veritic effectiveness is introduced as a more parsimonious alternative to traditional arguments against reliabilism. The main ideas of reliabilism are examined in light of the notion of veritic effectiveness.

Keywords: epistemology; justification; Alvin Goldman; reliabilism; process reliabilism; historical reliabilism; indicator reliabilism; truth tracking theory.

Acknowledgements. This article was prepared with the partial financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G22MS-001).

Введение

Релейабилизм возник как эпистемологическая теория Алвина Голдмана (1938–2024), направленная на объяснение природы обоснования, т. е. того, каким критериям должно отвечать обоснованное убеждение [1]. Ключевая идея философа состояла во введении понятия «эпистемическая надежность», под которым подразумевалась тенденция определенного когнитивного процесса к производству истинных убеждений. Принципиальная особенность данной теории заключалась в том, что она выступала не как набор рекомендаций для субъекта по обоснованию своей позиции, а как инструмент для ретросказательного анализа обоснованности убеждений. Впоследствии релейабилизм привел

к появлению семейства теорий в эпистемологии, а сам А. Голдман стал одним из наиболее цитируемых современных философов согласно базе данных «Скопус» (занимает восьмую позицию в соответствующем списке) [2].

Настоящая статья посвящена прояснению базовых идей релейабилизма, нередко понимающихся если и не искаженно, то неполно. Кроме того, нами сопоставлены различные модификации процессуального релейабилизма с целью выявить проблему веритической результативности, которая наиболее очевидным образом касается исследуемого семейства теорий, но вместе с тем может рассматриваться как общий вопрос эпистемологии.

Редуктивный анализ в эпистемологии

Современная эпистемология возникла и развивалась в большей мере как область аналитической философии, которая задает как типичные методы, так и некоторые стилистические условности философствования. В познавательных ситуациях предполагается наличие познающего субъекта и универсального предмета познания, в качестве которого выступает пропозиция, указывающая на наличие пропозиционального содержания у эпистемических явлений в рассматриваемых теориях. Познавательная операция, связывающая названные компоненты, обычно описывается словами, которые могут быть представлены как логические операторы, например, с помощью средств эпистемической логики.

Уже в 1960-х гг. сложилась тенденция строить эпистемологические теории как теории о необходимых и достаточных условиях атрибуции знания. Такой подход предполагает выражение теорий знания как

эквивалентности утверждения «S знает, что Р»¹ утверждениям, репрезентирующим критерии знания. Одно утверждение о знании фактически сводится ко множеству утверждений о его условиях, поэтому данный подход к знанию имеет название «проект редуктивного анализа». Для демонстрации подхода следует представить теорию знания как истинного убеждения², которую Тезет предлагал Сократу [3]:

S знает, что P iff S убежден, что P.
P истинно.

Данную теорию можно выразить языком эпистемико-доксастической логики: $K_S P \Leftrightarrow B_S P \wedge P$, где K – знание, B – убеждение. Однако чаще используется менее формальная запись, похожая на следующее определение: S знает, что P , если S убежден, что P , и P истинно. Для удобства будем считать, что в подобных формулировках слово «если» отражает отношение

¹Здесь и далее в формулировках теорий буквой S обозначается познающий субъект, буквой Р – повествовательное предложение, или пропозиция.

²Синонимичные термины «убеждение» и «мнение» используются в качестве русскоязычных аналогов для слова *belief*, обозначающего базовую доксистическую установку, которая состоит в том, что субъект относится к некоему утверждению как к истинному вне зависимости от того, истинно оно или нет.

эквивалентности, которое обычно описывается словосочетанием «тогда и только тогда» или «если и только если».

Процессуальный релейабиллизм возник в рамках проекта редуктивного анализа. В связи с этим, чтобы рассмотреть различные модификации исследуемой теории, мы будем использовать последнюю из предложенных форм записи концепций знания. Проект редуктивного анализа знания, как и других эпистемических явлений (в первую очередь обоснованного убеждения), помимо достоинств, связанных с ясностью и наглядностью выражения сути теории, имеет и явные недостатки. Например, формально построенные таким образом теории говорят о природе зна-

ния не напрямую, а через условия истинности утверждения «S знает, что Р». Для настоящей работы данный факт не является значимым, однако он необходим для лучшего понимания контекста, в рамках которого возникал релейабиллизм. Отдельно следует сказать об ученых Н. Баллантайне, рассмотревшем влияние на эпистемологию социальных и политических условий до 1960-х гг. [4, р. 1–26], и Т. Уильямсоне, показавшем, как проект редуктивного анализа способствовал наивному фальсификационизму в эпистемологии [5]. Отметим, что релейабиллистские взгляды на знание и обоснование следуют не только из обсуждения философских проблем, но и из обобщения эмпирических данных когнитивных наук [6].

Процессуальный релейабиллизм и эпистемическая надежность

Процессуальный релейабиллизм был описан А. Голдманом в 1979 г.³ [1]. Данная теория обоснования задает необходимые и достаточные условия обоснованного убеждения.

Процессуальный релейабиллизм. *S обоснованно убежден в Р в момент t, если его убежденность в Р является результатом надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов [1, р. 97].*

Подобный подход к обоснованию опирается в первую очередь на концепцию эпистемической надежности, а во вторую очередь на концепцию когнитивных процессов, которые выступают носителями свойства эпистемической надежности. Указанный момент является важным, поскольку впоследствии релейабиллисты не всегда явным образом связывали данное свойство исключительно с когнитивными процессами. Например, эпистемически надежными часто полагаются сами утверждения, агенты или источники знания.

Эпистемическая надежность понимается как свойство когнитивного процесса, состоящее в тенденции этого процесса производить больше истинных убеждений, чем ложных [1, р. 95]. Соответственно, обоснованность убеждения в релейабиллизме – это функция от надежности когнитивного процесса, результатом которого стало данное убеждение. По этой причине обоснованность рассматривается не как категоричная (убеждение либо обоснованно, либо необоснованно), а как градуальная характеристика (бывают более или менее обоснованные убеждения).

А. Голдман оставлял открытым вопрос о том, насколько надежным должен быть когнитивный процесс, чтобы произведенные им убеждения считались обоснованными. Он указывал на то, что его теория

просто не предполагает идеальной надежности, т. е. на то, что ложные, но обоснованные убеждения возможны [1, р. 96]. Исходя из определения эпистемической надежности, можно утверждать, что процессуальный релейабиллизм подразумевает, что надежный когнитивный процесс должен производить статистически больше истинных убеждений, чем ложных. Отсюда происходит минимальный (необходимый, но, как правило, недостаточный) критерий приписывания надежности когнитивному процессу: данный процесс должен приводить к появлению истин более чем в половине случаев. Однако эпистемическая надежность обычно понимается не минимально, поэтому некоторые релейабиллисты подчеркивают, что когнитивный процесс должен приводить к появлению истинных убеждений значительно чаще, чем в 50,0 % случаях, хотя и неясно, насколько именно. Если назвать конкретное число, то релейабиллизм столкнется с внутренней проблемой, подобной парадоксу кучи. Например, если когнитивному процессу, чтобы считаться надежным, необходимо производить истинные убеждения в 80,0 % случаев, то релейабиллистам придется обосновывать контринтуитивное следствие, т. е. то, почему процесс, производящий истины в 79,9 % случаев, уже ненадежен. Осознавая данную сложность, А. Голдман предложил объяснять разную степень обоснованности убеждений различной надежностью когнитивных процессов.

Тенденция производить истинные, а не ложные убеждения трактуется вероятностно (статистически), что делает идею эпистемической надежности эмпирически привлекательной, поскольку познавательную надежность того или иного процесса можно подвергнуть проверке. Примером такой проверки

³Наброски релейабиллистского взгляда на знание отражены в эссе «Знание» Ф. Рамсея (1929) [7]. Ввиду объема изложение трудно назвать полноценным, однако стоит отметить несколько важных моментов. Во-первых, Ф. Рамсей считал термин «процесс» неудовлетворительным. Во-вторых, он связывал релейабиллизм только с когнитивными процессами безусловной надежности. В-третьих, редактор приписал Ф. Рамсею согласие с аксиомой позитивной интроспекции, тогда как релейабиллизм А. Голдмана обычно рассматривается как позиция, отрицающая ее. В-четвертых, Н.-Э. Салин, исследователь философии Ф. Рамсея, отметил связь взгляда ученого на знание с прагматической теорией истины, что также необычно в сравнении с последующими релейабиллистскими теориями знания, подразумевающими корреспондентскую, или когерентную, теорию истины [8, р. 89].

могут служить исследования интуиции в когнитивной психологии, например известные исследования нобелевского лауреата Д. Канемана и его коллеги А. Тверски. Ученые пришли к выводу о том, что интуиция, как автоматический и быстрый познавательный процесс, происходящий посредством использования эвристик, и соответствующее ей эвристическое мышление не являются источниками эпистемически надежных когнитивных процессов формирования убеждений [9; 10, р. 414–421].

Эпистемическая надежность может пониматься и более абстрактно, а именно как тенденция чего-либо к производству истинных или ложных убеж-

дений. Под словом «чего-либо» подразумеваются, например, агенты, расцениваемые как эпистемически надежные или ненадежные в самостоятельном смысле. Также и надежность источника нередко оценивается вне зависимости от того, какие процессы его сформировали. Подобная вариативность делает эпистемическую надежность удобной категорией для эмпирических исследований познания, нацеленных на поиск когнитивных закономерностей, где позитивные закономерности могут получать объяснение как формы эпистемически надежного познания, а негативные закономерности – как формы эпистемически ненадежного познания.

Веритическая результативность

Релайабилитизм склонен к ориентации на веритическую, или истинностную, результативность, что обуславливает специфический характер и несколько ограниченную применимость релайабилитистских подходов. Под веритической результативностью понимается наличие истины или истин в рамках познавательной ситуации. Рассмотрим три случая: 1) калькулятор исправно совершает операции над числами; 2) компетентный врач правильно определяет болезни пациентов; 3) черепаха угадывает результаты футбольных матчей. Эти ситуации эпистемически различаются множеством аспектов, но имеют схожесть: в них демонстрируется веритическая результативность. Иначе говоря, веритическая результативность возникает ввиду принципиально разных эпистемических причин, в связи с чем она сама по себе не сигнализирует о конкретном эпистемическом явлении, например о знании. В данном контексте уместно упомянуть известную проблему Менона из одноименного диалога Платона, которую можно выразить через вопрос о том, почему знание ценнее истинного мнения [11]. Проблема состоит в одинаковой веритической результативности знания и истинного мнения, поэтому для нахождения ценностных отличий этих эпистемических явлений требуется дополнительный критерий.

Веритическая результативность проблематизируется нами одновременно психологически и эпистемологически. С психологической точки зрения актуальная веритическая результативность некоторого метода приводит людей к переоценке надежности как этого познавательного метода, так и схожих с ним методов, что может подтверждаться исследованиями эвристики репрезентативности [12]. Данный психологический аспект имеет эпистемологическую значимость для любой регулятивной теории познания, предлагающей конкретные рекомендации и методы познания. Регулятивные теории должны быть направлены на исключение вероятности того, что их положения мотивированы или даже искажены веритической результативностью, поскольку это

будет означать, что рекомендации подобной теории могут быть мотивированы не закономерными, а случайными познавательными успехами. Кроме того, возникает необходимость концептуального разделения эпистемической надежности и веритической результативности для исключения восприятия любого истинного результата в качестве свидетельства в пользу наличия познавательной тенденции.

Веритически результативный в отдельный момент когнитивный процесс может быть эпистемически ненадежным, и наоборот: эпистемически надежный процесс, производящий истинные убеждения со значимой долей вероятности, может быть веритически нерезультативным в отдельный момент времени. Например, если по совету финансового консультанта компания сделала неудачную инвестицию (при этом в восьми из десяти случаев советы консультанта приводят к удачным инвестициям), то данный совет веритически нерезультативен, хотя сам консультант, как источник, эпистемически надежен. Рассмотрим другой случай. С позиции процессуального релайабилитизма исправная программа, выполняющая математические операции, будет иметь 100-процентную эпистемическую надежность, поскольку она не может ошибаться. На наш взгляд, корректнее говорить о том, что программа демонстрирует абсолютную веритическую результативность, поскольку в данной ситуации тенденция ошибаться или достигать истин является бесполезной характеристикой, если один из вариантов заведомо исключен. Аналогичное утверждение справедливо и в случаях неабсолютной веритической результативности. Например, если неисправные часы, стрелка которых остановилась на 12:00, показывают правильное время, когда вы каждый день смотрите на них ровно в 12:00, то относительно этого специфического набора проверок часы веритически результативны, но было бы ошибкой приписать им какую-либо надежность. Данный пример демонстрирует, что эпистемически ненадежные когнитивные процессы могут быть веритически результативными в некотором ограниченном аспекте.

Когнитивные процессы условной и безусловной надежности

Помимо концепции эпистемической надежности, процессуальный релейабиллизм подразумевает определенный взгляд на когнитивные процессы. А. Голдман рассматривал когнитивный процесс в качестве функционального оператора, взаимодействующего с некоторыми входными состояниями и приводящего к некоторым выходным состояниям [1, р. 96–97]. Иными словами, когнитивный процесс подразумевает обработку входных данных, которая приводит к получению новых данных с контекстным эпистемическим статусом, зависящим от надежности или других характеристик когнитивного процесса. Не надежный когнитивный процесс всегда порождает ненадежные убеждения, даже если они веритически результативны.

Следует рассмотреть один из ключевых аргументов против релейабиллизма. В работах [13; 14] предлагается представить экстрасенса, дающего всегда сбывающиеся прогнозы. Считается, что теоретических средств процессуального релейабиллизма недостаточно, чтобы показать ненадежность такого гипотетического ясновидения. Однако проблема состоит в том, что в данном примере ясновидению приписывается в первую очередь полная веритическая результативность, сравнимая с той, которая рассматривалась в случае с программой, выполняющей математические операции. Таким образом, нужно еще доказать, что этой результативности соответствует некоторый процесс, характеризующий познавательной надежностью. По нашему мнению, на примере ясновидения сложно показать, что именно выступает в качестве входных данных подобного процесса и как происходит их обработка. На практике вопрос о том, что является когнитивным процессом, а что им не является, разрешается не через модификации релейабиллизма, а через обращение к дескриптивным дисциплинам (нейронауке, психологии и т. д.).

Поскольку речь идет о процессах формирования убеждения, следует отметить, что А. Голдман разделял когнитивные процессы условной и безусловной надежности [1, р. 98]. Отличие данных процессов состоит в том, что является их входными данными. Когнитивные процессы условной надежности взаимодействуют с пропозициональными данными (суждениями, убеждениями, положениями, предложениями и т. д.), т. е. их надежность (имеют ли такие процессы тенденцию производить истинные или ложные убеждения) зависит от истинности или ложности входных данных. Классический пример такого когнитивного процесса – это валидные правила вывода в логике, истинность следствий в которых зависит от истинности предпосылок. Другим примером могут служить суждения, которые выведены на основании свидетельств людей. Когнитивные

процессы безусловной надежности не зависят от характера входных данных. Примером данного когнитивного процесса выступает зрительное восприятие, которое имеет статистическую надежность распознавания визуальной информации в различных условиях. Когнитивные процессы безусловной надежности практически совпадают со всем тем, что можно считать источниками непосредственного (невыводного) знания, поэтому использование идеи безусловной надежности отчасти сковывает теоретиков релейабиллизма концептуальными обязательствами по наличию дополнительной позиции относительно источников непосредственного знания.

В свете разделения когнитивных процессов с точки зрения условной и безусловной надежности познавательную операцию в процессуальном релейабиллизме можно описать подробнее.

Релейабиллизм условно и безусловно надежных когнитивных процессов. *С обоснованно убежден в Р, если его убежденность в Р является результатом (1) условно надежного когнитивного процесса формирования убеждений, входные данные которого сами по себе обоснованны, или (2) безусловно надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов.*

Следует отметить, что условие (1) в конечном счете может быть истинным только в том случае, если оно сводится к условию (2), т. е. условно надежный когнитивный процесс требует опоры на некоторый первичный безусловно надежный когнитивный процесс. По этой причине процессуальный релейабиллизм А. Голдмана является формой эпистемического фундаментализма, позицией, согласно которой существуют утверждения, не требующие аргументации в свою пользу и выступающие в качестве обоснования менее фундаментальных положений.

Именно эпистемическая надежность стала главным элементом изучаемой теории и, следовательно, мишенью для критики. Помимо упомянутого аргумента, касающегося ясновидения, выделяется аргумент, связанный с проблемой генерализации: эпистемическая надежность зависит от того, насколько узко или широко понимается когнитивный процесс в конкретной ситуации [15, р. 2–3]. На наш взгляд, решение данной проблемы состоит в признании зависимости процессуального релейабиллизма от положений дескриптивных дисциплин, утверждающих, какие именно явления относятся к числу когнитивных процессов и насколько широко их необходимо трактовать. Кроме того, существует аргумент нового злого демона, который критикует приписывание эпистемической надежности когнитивным процессам, не демонстрирующим веритическую результативность [16].

Критерий эпистемической истории

Существуют некоторые модификации процессуального релейабиллизма. А. Голдман указывал на наличие в эпистемологии теорий текущего отрезка времени, которые связывают эпистемический статус убеждения исключительно с тем, что доступно субъекту в момент формирования и удерживания этого убеждения. Философ противопоставил теориям текущего отрезка времени исторический, или генетический, подход, истоки которого он видел у Г. В. Ф. Гегеля и Дж. Дьюи [1, р. 99]. Соответственно, А. Голдман предлагал формулировку релейабиллизма в историческом ключе.

Исторический релейабиллизм. *С обоснованно убежден в Р, если история его убежденности в Р включает факт того, что эта убежденность возникла в ходе надежного когнитивного процесса формирования убеждения или набора таких процессов.*

Рассмотрим следующую ситуацию: Смит убежден в том, что Вашингтон – это столица США, но он не помнит, почему так считает. Если исходить из теорий текущего отрезка времени, то убеждение Смита необоснованно, а сам он на самом деле не знает, где находится столица США, и в лучшем случае обладает истинным мнением по эпистемической случайности. С точки зрения исторического релейабиллизма убеждение Смита считается обоснованным,

если эпистемическая история его убеждения в том, какой город является столицей США, подразумевает факт получения этого убеждения из надежного источника (например, он узнал об этом в школе от компетентного преподавателя). В данном контексте выявляется следующее отличие: релейабиллизму как более объективистскому подходу в эпистемологии свойственно подчеркивать, что обоснованность убеждения субъекта зависит не от наличия или отсутствия у него доступа к обоснованию, а от объективных характеристик самого убеждения.

Таким образом, критерий эпистемической истории можно добавить к общему определению необходимых и достаточных условий обоснованного убеждения согласно процессуальному релейабиллизму. Следует представить формулировку познавательной операции с точки зрения исторического процессуального релейабиллизма.

Исторический процессуальный релейабиллизм. *С обоснованно убежден в Р, если история его убежденности в Р включает факт того, что эта убежденность была произведена в результате условно надежного когнитивного процесса формирования убеждений, входные данные которого сами по себе обоснованны, или безусловно надежного когнитивного процесса формирования убеждений или набора таких процессов.*

Надежное и рациональное убеждение

Более концептуально сложной представляется модификация исторического релейабиллизма, которую А. Голдман называл релейабиллизмом терминальной стадии. Данная версия подразумевает то, что субъект имеет набор убеждений в момент t_1 и некоторые из этих убеждений не являются обоснованными. К моменту t_2 субъект выводит из всего набора убеждений пропозицию, выступающую в качестве его убеждения. Сам процесс вывода является корректным и, следовательно, условно надежным. Философ считал, что в момент t_2 и далее убеждение субъекта в такой пропозиции необходимо рассматривать как обоснованное. Однако обоснованность убеждения, по его мнению, недостаточна для знания, но достаточна для того, чтобы считать убеждение субъекта в этой пропозиции разумным [1, р. 99].

Данный аргумент построен против возражения, связанного с дефитерами – факторами, которые, если бы были известны субъекту, подорвали бы его обоснование. Соответственно, если в предпосылки рассуждения входило сомнительное положение, то это положение и является дефитером, который, согласно некоторым воззрениям, исключает возможность обоснования или знания⁴. Такой до-

вод А. Голдмана не кажется нам удачным, поскольку философ пытался исключить критику. В рамках релейабиллизма терминальной стадии история убеждения субъекта в пропозиции может включать вывод пропозиции из ненадежного источника (заметим, что ситуация смягчается указанием на набор убеждений, поскольку вывод из единичного сомнительного убеждения не мог бы быть надежным), однако если впоследствии появляется фактор (в данном примере общая корректность вывода), который устраняет этот недочет, то убеждение можно назвать обоснованным, но в слабом смысле, т. е. скорее разумным, таким, которого следует рационально придерживаться.

Но что произойдет, если вывод из набора убеждений, в том числе убеждения, полученные посредством эпистемически ненадежных когнитивных процессов, будет веритически результативным? Вероятно, в таком случае в контексте релейабиллизма терминальной стадии будут считаться разумными любые истинные убеждения, в том числе истинные по случайности, поскольку истинность выходного убеждения может пониматься в качестве фактора, нивелирующего недостаток надежности ставших основанием для вывода убеждений. Можно представить

⁴Piazza T. Epistemic defeaters // Routledge encyclopedia of philosophy : electron. encycl. URL: <https://doi.org/10.4324/9780415249126-p080-1> (date of access: 03.12.2023).

формулировку познавательной операции с позиции релейабиллизма терминальной стадии.

Релейабиллизм терминальной стадии. *S разумно убежден в Р, выведенном из набора убеждений, включающих необоснованные убеждения, когда его убежденность в Р является результатом действия когнитивного процесса условной надежности, который в качестве входных данных включает больше обоснованных, чем необоснованных убеждений.*

Данную позицию можно рассмотреть как концептуальное обогащение процессуального релейабиллизма, поскольку А. Голдман проводил границу между убеждением, которое обоснованно в силу того, что ему присуща некоторая объективная степень обоснованности (объективное эпистемическое качество), и убеждением, которое обоснованно в силу того, что у человека есть рациональные причины его придерживаться. Чтобы избежать путаницы, второе убеждение мы предлагаем называть рациональным, ориен-

тируясь на дистинкцию рационального и надежного убеждения, которую ввел Ф. Дрецке [17].

В рамках процессуального релейабиллизма возникает определенный набросок теории рациональности, предполагающей, что разумна любая позиция, которая произведена условно надежным процессом, включающим в качестве входных данных больше обоснованных, чем необоснованных положений. Данное воззрение примерно соответствует тому, что в научной литературе рассматривается как инструментальная рациональность. Инструментально рациональным выбором называется выбор наиболее эффективных способов достижения собственных целей, исходя из имеющейся информации, что предполагает возможность выбора необоснованных предпочтений и использования когнитивных процессов условной надежности, поскольку такое предпочтение берется в качестве входных данных для последующего размышления о том, как лучше его реализовать [18].

Индикативный релейабиллизм и отслеживание истины

Об индикативном релейабиллизме обычно говорят в двух основных контекстах. Первый контекст связан с метафорой когнитивного термометра, которую соотносят со взглядами Д. М. Армстронга на познание [19, р. 166–183]. Она подразумевает сравнение знающего человека с термометром, показывающим правильную температуру, если он исправен. В данном случае исправность соотносится с базовой способностью человека знать. Чтобы понять преимущество этой позиции, необходимо ответить на вопрос: «Откуда я знаю, что сейчас читаю этот текст?» Требуется ли такое знание обоснования или широкой аргументации? Или же более правдоподобным утверждением является то, что ваше знание о факте, что вы сейчас читаете этот текст, требует просто исправной индикации состояния, в котором вы находитесь?

Метафору когнитивного термометра можно интерпретировать с точки зрения эпистемической надежности: как термометр статистически надежно показывает температуру, так и человек знает только тогда, когда статистически надежно индицирует истинные убеждения. Не делая историко-философских утверждений о том, исчерпывает ли такая формулировка позицию Д. М. Армстронга, выразим смысл индикативного релейабиллизма.

Индикативный релейабиллизм. *S знает, что Р, если его убежденность в Р является результатом познавательной индикации истинности Р.*

Индикативный релейабиллизм обычно рассматривается как теория знания, т. е. как теория о более сильном эпистемическом феномене, чем процессуальный релейабиллизм, изучающийся как теория

обоснованного убеждения⁵. Формулировки обеих теорий можно экстраполировать и на знание, и на обоснованное убеждение. Индикативный релейабиллизм иногда описывается как подход, исключающий обоснование из необходимых и достаточных условий для атрибуции знания, поскольку обоснование редуцируется до надежности. Причина, который привел к такому положению, заключается в том, что в рамках релейабиллизма обычно говорят об обоснованности как об эпистемическом свойстве суждения, а не как о способе, с помощью которого агент пытается придать своему мнению убедительности. Таким образом, обоснованность убеждения определяется эпистемической надежностью когнитивного процесса, ставшего причиной существования этого убеждения, а не применением процедуры обоснования как таковой.

Вторым контекстом, в котором упоминается индикативный релейабиллизм, выступает теория отслеживания истины, автором которой является Р. Нозик [20, р. 172–178; 21]. Философ считал, что субъект знает нечто только тогда, когда он в своем познании чувствителен к истине и привержен ей. Принцип чувствительности подразумевает, что субъект, используя некоторый способ познания, не обнаруживает истину там, где ее нет, но обнаруживает истину там, где она есть. Под принципом приверженности понимается то, что субъект, применяя определенный способ познания, обнаруживает истину именно этим способом. Иными словами, если некто считает, что посредством релейабиллизма можно распознавать наличие знания, то он не должен обнаруживать знание там, где его нет, как и пользоваться другой

⁵Причина, по которой процессуальный релейабиллизм нередко рассматривается как теория обоснования, состоит в том, что А. Голдман придерживался теории знания своего авторства – каузальной теории знания. Изначально он считал релейабиллизм дополнением к каузальной теории знания, но впоследствии случилось наоборот: каузальная теория знания фактически была интегрирована философом в релейабиллизм в аспекте его эпистемического натурализма [1, р. 90–91].

теорией, чтобы обнаружить знание там, где оно есть, но где его не фиксирует релейабиллизм. Отслеживание истины через принципы чувствительности и приверженности похоже на индикацию знания. Данные принципы имеют общие черты с концепцией эпистемической надежности. Таким образом, можно сформулировать теорию отслеживания истины.

Теория отслеживания истины. *S знает, что P, если соблюдаются следующие условия:*

(I) *P истинно;*

(II) *S убежден, что P;*

(III) *если бы P было ложным, то S не был бы убежден в P;*

(IV) *если бы P было истинным, то S был бы убежден в P.*

Р. Нозик более абстрактно выражал идею эпистемической надежности, независимую от представления о когнитивных процессах. Условия (III) и (IV) предполагают использование не концепции актуальной, или фактической, статистической надежности, как в процессуальном релейабиллизме, а концепции контрфактической надежности. Атрибуция знания с позиции теории отслеживания истины определяется ситуациями, альтернативными по отношению к актуальной ситуации (подчеркнем, что суть релейабиллизма А. Голдмана состоит в обратном). В связи с этим можно привести пример: студент в вопросе теста, не вникая в его суть, выбирает вариант «б», который является правильным. С точки зрения Р. Но-

зика, в данной ситуации студент не знает, что ответ на поставленный вопрос – вариант «б», поскольку если допустить, что верен вариант «а», то студент на том же основании, что и в актуальной ситуации, выбрал бы вариант «б» (нарушение принципа чувствительности); если допустить, что вариант «б» все еще правильный, то на том же основании студент мог бы выбрать иной вариант ответа (нарушение принципа приверженности).

Соображения Р. Нозика о контрфактических условиях знания получили развитие в виде представлений об условиях чувствительности и безопасности знания [22]. Несмотря на идейную близость этой ветви эпистемологии релейабиллизму, важно обозначить, что в парадигмальных формах релейабиллизм концентрируется на фактических условиях. Впоследствии А. Голдман скептически относился к рассмотрению модального аспекта знания, по крайней мере в некоторых значимых формах такого рассмотрения. В более поздних модификациях релейабиллизма философ ввел «оговорку категорического консерватизма» (перевод наш. – А. К.) как характеристику познающего субъекта, согласно которой контраргументация, связанная с мысленными экспериментами и контрфактическими ситуациями, не является достаточным основанием для того, чтобы конкретный субъект отказался от способов познания, которые он явно или неявно считает надежными [23, p. 279–280].

Заключение

Процессуальный релейабиллизм заслуженно называется одним из основных направлений в современной эпистемологии, поскольку за достаточно простой идеей о зависимости обоснованности убеждения и наличия знания от надежности когнитивных процессов находится множество глубоких идей, значительно расширяющих инструментарий релейабиллистского объяснения эпистемической действительности. Более того, сама концепция эпистемической надежности является незаменимым

средством для анализа некоторых познавательных ситуаций. О концептуальном богатстве процессуального релейабиллизма иногда забывают по той причине, что даже его базовые идеи разбросаны по различным источникам⁶. Как показало настоящее исследование, теоретические проблемы модификаций релейабиллизма во многом связаны с тем, как соотносятся эпистемическая надежность и веритическая результативность когнитивных процессов.

Библиографические ссылки

1. Goldman A. What is justified belief? In: Pappas GS, editor. *Justification and knowledge: new studies in epistemology*. Dordrecht: Reidel; 1979. p. 89–104. (Philosophical studies series; volume 17). DOI: 10.1007/978-94-009-9493-5_1.

2. Ioannidis JPA. October 2023 data update for «Updated science wide author databases of standardized citation indicators». *Elsevier Data Repository* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 11];V6. Available from: <https://elsevier.digitalcommonsdata.com/datasets/btchxktzyw/6>.

⁶Существует ряд англоязычных текстов, включая энциклопедические издания, которые призваны собрать основные релейабиллистские идеи в рамках одной работы. На наш взгляд, в вводных материалах по релейабиллизму иногда упускаются важные идеи классической формулировки этой теории (разделение на процессы условной и безусловной надежности, историческая составляющая и др.) и приписываются к числу общих идей элементы более современных эпистемологических теорий (условие безопасности знания, обращение к интеллектуальным добродетелям и др.). Стоит отметить работу К. Келпа [24, p. 1–16; 25], в которой рассматривается менее широкий спектр идей, связанных с процессуальным релейабиллизмом, но делается больший акцент на классической триаде проблем этой позиции. Следует упомянуть и первую русскоязычную статью о релейабиллизме, написанную М. В. Лебедевым [26]. Несмотря на наличие некоторых фактологических неточностей, подход автора представляется интересным. Можно сказать, что М. В. Лебедев опередил свое время, поскольку обратился к теме, о которой только через десятилетие начали регулярно писать на русском языке.

3. Платон. *Собрание сочинений в 4 томах. Том 2*. Маркиш СП, Апт СК, Егупов АН, Васильева ТВ, Ананьин СА, Томасов НН, переводчики; Лосев ЛФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Теэтет; с. 192–274.
4. Ballantyne N. *Knowing our limits*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 344 p.
5. Williamson T. *Where did it come from? Where will it go?* Oxford: Oxford University Press. Forthcoming.
6. Kornblith H. *Scientific epistemology: an introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2021. 184 p.
7. Ramsey FP. *Philosophical papers*. Mellor DH, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. Knowledge (1929); p. 110–111.
8. Sahlin NE. *The philosophy of F. P. Ramsey*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 272 p.
9. Sturm T. Intuition in Kahneman and Tversky's psychology of rationality. In: Osbeck LM, Held BS, editors. *Rational intuition: philosophical roots, scientific investigations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. p. 257–286. DOI: 10.1017/CBO9781139136419.015.
10. Kahneman D, Slovic P, Tversky A, editors. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 544 p.
11. Хорт МГ. Проблема Менона в контексте эпистемологии добродетелей. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022;1А:30–37. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003.
12. Kahneman D, Tversky A. Subjective probability: a judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*. 1972;3:430–454. DOI: 10.1016/0010-0285(72)90016-3.
13. Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980;5:53–73. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00396.x.
14. Plantinga A. *Warrant: the current debate*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press; 1993. 240 p. DOI: 10.1093/0195078624.001.0001.
15. Conee E, Feldman R. The generality problem for reliabilism. *Philosophical Studies: an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998;89(1):1–29. DOI: 10.1023/A:1004243308503.
16. Ball B, Blome-Tillmann M. Indexical reliabilism and the new evil demon. *Erkenntnis*. 2013;78:1317–1336. DOI: 10.1007/s10670-012-9422-3.
17. Dretske F. Two conceptions of knowledge: rational vs reliable belief. *Grazer Philosophische Studien*. 1991;40:15–30. DOI: 10.5840/gps1991404.
18. Bruckner DW. Second order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*. 2011;26(4):367–385. DOI: 10.1007/s12136-010-0113-x.
19. Armstrong DM. *Belief, truth and knowledge*. London: Cambridge University Press; 1973. 240 p.
20. Nozick R. *Philosophical explanations*. Cambridge: Harvard University Press; 1981. 784 p.
21. Kripke SA. Nozick on knowledge. *Philosophical Troubles: Collected Papers*. 2011;1:161–224. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199730155.003.0007.
22. Прись ИЕ. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске. *Диалог*. 2020;1:8–18.
23. Goldman A. Epistemic folkways and scientific epistemology. *Philosophical Issues*. 1993;3:271–285. DOI: 10.2307/1522948.
24. Kelp Ch. *Good thinking: a knowledge first virtue epistemology*. London: Routledge; 2019. 148 p. DOI: 10.4324/9780429455063.
25. Kelp Ch. How to be a reliabilist. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017;98(2):346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
26. Лебедев МВ. Перспективы современных концепций надежности знания. *Вопросы философии*. 2007;11:119–132.

References

1. Goldman A. What is justified belief? In: Pappas GS, editor. *Justification and knowledge: new studies in epistemology*. Dordrecht: Reidel; 1979. p. 89–104. (Philosophical studies series; volume 17). DOI: 10.1007/978-94-009-9493-5_1.
2. Ioannidis JPA. October 2023 data update for «Updated science wide author databases of standardized citation indicators». *Elsevier Data Repository* [Internet]. 2023 [cited 2023 November 11];V6. Available from: <https://elsevier.digitalcommonsdata.com/datasets/btchxktzyw/6>.
3. Plato. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. Tom 2* [Collected works in 4 volumes. Volume 2]. Markish SP, Apt SK, Egupov AN, Vasil'eva TV, Anan'in SA, Tomasov NN, translators; Losev LF, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 192–274. Russian.
4. Ballantyne N. *Knowing our limits*. Oxford: Oxford University Press; 2019. 344 p.
5. Williamson T. *Where did it come from? Where will it go?* Oxford: Oxford University Press. Forthcoming.
6. Kornblith H. *Scientific epistemology: an introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2021. 184 p.
7. Ramsey FP. *Philosophical papers*. Mellor DH, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. Knowledge (1929); p. 110–111.
8. Sahlin NE. *The philosophy of F. P. Ramsey*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008. 272 p.
9. Sturm T. Intuition in Kahneman and Tversky's psychology of rationality. In: Osbeck LM, Held BS, editors. *Rational intuition: philosophical roots, scientific investigations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. p. 257–286. DOI: 10.1017/CBO9781139136419.015.
10. Kahneman D, Slovic P, Tversky A, editors. *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982. 544 p.
11. Khort MG. The Meno problem in the context of virtue epistemology. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2022;1A:30–37. Russian. DOI: 10.34670/AR.2022.92.45.003.
12. Kahneman D, Tversky A. Subjective probability: a judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*. 1972;3:430–454. DOI: 10.1016/0010-0285(72)90016-3.
13. Bonjour L. Externalist theories of empirical knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*. 1980;5:53–73. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1980.tb00396.x.
14. Plantinga A. *Warrant: the current debate*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press; 1993. 240 p. DOI: 10.1093/0195078624.001.0001.

15. Conee E, Feldman R. The generality problem for reliabilism. *Philosophical Studies: an International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998;89(1):1–29. DOI: 10.1023/A:1004243308503.
16. Ball B, Blome-Tillmann M. Indexical reliabilism and the new evil demon. *Erkenntnis*. 2013;78:1317–1336. DOI: 10.1007/s10670-012-9422-3.
17. Dretske F. Two conceptions of knowledge: rational vs reliable belief. *Grazer Philosophische Studien*. 1991;40:15–30. DOI: 10.5840/gps1991404.
18. Bruckner DW. Second order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*. 2011;26(4):367–385. DOI: 10.1007/s12136-010-0113-x.
19. Armstrong DM. *Belief, truth and knowledge*. London: Cambridge University Press; 1973. 240 p.
20. Nozick R. *Philosophical explanations*. Cambridge: Harvard University Press; 1981. 784 p.
21. Kripke SA. Nozick on knowledge. *Philosophical Troubles: Collected Papers*. 2011;1:161–224. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199730155.003.0007.
22. Pris' IE. On two formulations of safety condition and epistemic risk. *Dialog*. 2020;1:8–18. Russian.
23. Goldman A. Epistemic folkways and scientific epistemology. *Philosophical Issues*. 1993;3:271–285. DOI: 10.2307/1522948.
24. Kelp Ch. *Good thinking: a knowledge first virtue epistemology*. London: Routledge; 2019. 148 p. DOI: 10.4324/9780429455063.
25. Kelp Ch. How to be a reliabilist. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017;98(2):346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
26. Lebedev MV. Prospects of modern concepts of reliability of knowledge. *Voprosy filosofii*. 2007;11:119–132. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2024.
Received by editorial board 05.02.2024.